

КИТАЙ И МОНГОЛИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» И «ЖЕСТКОЙ СЛАБОСТИ»

© 2017 Д. БАБАЯН

Среди специфических черт китайско-монгольских отношений особый интерес представляет стратегия, используемая для поддержания сбалансированных и добрососедских отношений каждой из этих стран, кардинально отличающихся друг от друга по военно-политическому, экономическому, демографическому потенциалу.

Политика КНР по отношению к Монголии основывается на известной стратегии «мягкой силы». Улан-Батора же - на стратегии «жесткой слабости», суть которой - в умелом использовании имеющихся уязвимостей для того, чтобы проведение жесткой силовой политики со стороны более мощного соседа было нецелесообразным.

На примере Китая и Монголии видно, как две эти диаметрально противоположные стратегии действуют эффективно. У Китая есть соблазн проводить более напористую политику. Однако пока никаких угроз в этом смысле не наблюдается. По всей вероятности, КНР будет придерживаться такой политики и в будущем.

Ключевые слова: Китай, Монголия, «мягкая сила», «жесткая слабость», глобальные геополитические тенденции

CHINA AND MONGOLIA: GEOPOLITICAL INTERRELATIONS BETWEEN SOFT POWER AND ROUGH WEAKNESS

David K. BABAYAN, PhD (History), Associate Professor, Artsakh State University (dvtbabayan@mail.ru)

In the Sino-Mongolian relations there is an application of different strategies by China and Mongolia, the states that differ substantially by their military, political, economic and demographic potentials, to maintain balanced and good neighborly relations with each other. The basis of Beijing's policy towards Mongolia is the strategy of soft power. The main strategy of Ulaanbaatar can be classified as «rough weakness» aimed at making inexpedient the application of brute force by the neighbor. In practice these diametrically opposite strategies can effectively balance each other. It should be noted that for China there is a temptation to conduct an assertive policy. However, Beijing is strongly constraining possible temptations and apparently will strictly follow this policy in the future too.

Keywords: China, Mongolia, «soft power», «rough weakness», global geopolitical trends

Китайско-монгольские отношения весьма специфичны. Здесь ярко проявляется весь спектр взаимоотношений сильной и крупной державы со сравнительно более слабой страной. Изучение отношений между этими странами-соседями представляет особый интерес, тем более, что эти взаимоотношения сбалансированы и не перерастают в открытый конфликт и конфронтацию.

Каким образом Китайская Народная Республика (КНР) преодолевает соблазны относительно более слабой и уязвимой Монголии? Как Монголии удастся поддерживать отношения с таким соседом-гигантом, как Китай?

И то, и другое достигается благодаря стратегии «мягкой силы», применяемой КНР, и «жесткой слабости», характеризующей стратегию Монголии.

Если понятие «мягкой силы» исследовано достаточно широко и прочно вошло в научный обиход, то «жесткая слабость», напротив, - понятие новое. Под «жесткой слабостью» понимается наличие у стран и народов, значительно уступающих своим соседям в экономической, военной, демографической и иных плоскостях, ряда специфических - исторических, политических, демографических и иных - особенностей, делающих нецелесообразным проведение по отношению к ним со стороны более мощных соседей жесткой силовой политики.

Ключевые компоненты «жесткой слабости» Монголии - географическое положение страны, этнополитическая специфика монгольского мира и современные глобальные геополитические тенденции. Все эти компоненты взаимосвязаны. На первый взгляд, уязвимость страны в этих плоскостях попросту невозможно преодолеть. Но именно комплексное использование этих слабых мест и превращает их в компоненты «жесткой слабости», давая возможность весьма эффективно противодействовать разного рода вызовам во взаимоотношениях с соседями-гигантами.

БАБАЯН Давид Климович, кандидат исторических наук, доцент, Арцахский государственный университет. 375000, Степанакерт, ул. М.Гоша, 5 (dvtbabayan@mail.ru)

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОНГОЛИИ

Монголия - государство с довольно большой территорией (более 1,5 млн км²), превышающей территорию Германии, Франции и Испании, вместе взятых, с малочисленным населением в 3 млн человек, что в 4 раза меньше населения Москвы, страна с богатейшими природными ресурсами. Такая специфика обычно становится источником соблазна для соседних, более крупных государств. Китай, с его огромным населением, с усиливающимися военно-политическим и экономическим потенциалами и острой нехваткой природных ресурсов, необходимых для обеспечения роста, не является исключением.

Кроме Китая, Монголия граничит лишь с Россией. Таким образом, слабая страна просто зажата между двумя крупнейшими соседями. Казалось бы, такое географическое положение не может сулить ничего хорошего. Однако, если, с одной стороны, это существенно ограничивает Монголии возможности для внешнеполитического маневрирования, то, с другой стороны, дает ей возможность достаточно эффективно балансировать между двумя этими странами, поддерживая свою независимость и геополитическую значимость. Именно балансирование между Москвой и Пекином преобразует уязвимое географическое положение Монголии в ее стратегию «жесткой слабости».

Улан-Батор развивает отношения и с США, рассматривая эти отношения с позиций доктрины «третьего соседа» [1]. В апреле 2014 г. между Монголией и США был подписано совместное заявление о взаимоотношениях двух стран в сфере безопасности. В этом документе признается стабилизирующая роль Монголии в Азии и подчеркивается, что тесные американо-монгольские связи важны для поддержания баланса в Азиатско-Тихоокеанском регионе [2].

Конечно, роль США в обеспечении безопасности Монголии несопоставима с ролью России и Китая, но все же представляется важной для Улан-Батора. Понятно, что в случае какого-либо открытого силового давления на Монголию со стороны соседей, симпатии США и их союзников будут на стороне Улан-Батора, особенно с учетом геополитического соперничества между США и Китаем, США и РФ.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА МОНГОЛЬСКОГО МИРА

Следующим ключевым компонентом, трансформирующим слабость Монголии в «жесткую слабость», предстает этнополитическая специфика монгольского мира или монголосферы.

В мире проживает более 10 млн человек монголоязычных народов. Помимо тех 3 млн человек, которые живут в самой Республике Монголия, остальные монголы и монголоязычные народы живут за пределами независимого монгольского го-

сударства, большинство - в Китайской Народной Республике.

Разделенность монгольского народа, размещение разных его частей зачастую далеко от исторической родины, связанные с этим процессы ассимиляции или эволюционирования в новые, пусть даже близкие этносы, конечно же, ослабляют материнское государство, окруженное многонаселенными странами. Но с другой стороны, эта специфика Монголии - весьма действенный механизм, позволяющий парировать возможные силовые действия со стороны КНР.

Силовое давление на Монголию было бы чревато для Пекина рядом опасных внутри- и внешнеполитических осложнений. Оно было бы безболезненно воспринято в КНР миллионами этнических монголов и монголоязычных. В пределах Китая существует целый ряд монгольских административно-территориальных единиц различных уровней: 56 автономных волостей, 8 автономных уездов, 3 автономных округа. Среди них самым высоким административно-территориальным статусом обладает Автономный район Внутренняя Монголия - наиболее важный, крупный по территории и по численности населения. Этот регион первым в Китае получил статус автономного района; по площади (1,181 млн км²) он занимает 2-е место, уступая лишь Синьцзян-Уйгурскому автономному району (СУАР).

Нецелесообразность обострения монголо-китайских межнациональных отношений в пределах Китая приобретает особое значение, с учетом истории взаимоотношений монголов Китая с центральной властью страны. Например, образование независимого монгольского государства создало в истории Китая прецедент, когда часть страны отделилась, и возникло новое независимое государство. Это было чревато эффектом домино, особенно если учитывать многоэтничность Китая и тот факт, что этнорелигиозные меньшинства проживали по всему периметру китайских границ - на севере, западе и юго-западе. К тому же, часть монголонаселенных районов, в частности, Внутренняя Монголия, не вошла в независимую Монголию.

Очевидно, что потеря одной территории и примирение с этим могли создать прецедент и для других регионов Китая. Эта опасность вовсе не была гипотетической. В 1913 г. Внешняя Монголия и Тибет, будучи де-факто вне подчинения Китая, де-юре не были признаны таковыми, подписали договор о дружбе и взаимопомощи в качестве самостоятельных субъектов [3, с. 122-128]. Китай не признавал независимую Монголию в течение долгого времени и всячески препятствовал признанию этой страны другими государствами. До конца Второй мировой войны Монголия не была признана ни одной страной мира, кроме СССР.

Вопрос же Внешней Монголии не был окончательно решен и после победы коммунистов в 1949 г. и образования Китайской Народной Республики. Еще до прихода к власти Мао Цзэдун заявил, что Монголия (Внешняя) автоматически

войдет в состав Китая [4, р. 102]. После образования КНР Мао поставил перед руководством СССР вопрос о присоединении МНР к Китаю, но встретил отпор [5, с. 31]. Причем, китайский вождь предлагал объединить Внешнюю и Внутреннюю Монголии, которые составили бы единую монгольскую автономию в составе КНР [6, р. 157]. Правда, независимость Монголии Пекин признал, но это, скорее, вынужденное признание, нежели добровольное.

В процессе построения многонационального социалистического государства отношения между центром и монголосферой КНР также зачастую были весьма натянутыми. Одним из проявлений этого, например, - неоднократное изменение границ Внутренней Монголии. Так, после очередного изменения границ в конце 1960-х гг. в пределах Внутренней Монголии этнических монголов осталось менее 20% [5, с. 28].

Серьезно пострадала Внутренняя Монголия и во время «культурной революции» [7, р. 409-430]. Изменился и этнический состав населения Внутренней Монголии. Если в 1947 г. этнические китайцы составляли 14% населения Внутренней Монголии, то к 1951 г. соотношение ханьцев к монголам составляло уже 2:1 [8]. По данным переписи 2010 г., население Внутренней Монголии составило 24,7 млн человек, из которых этнических монголов было немногим более 4,2 млн [9]. Остальные монголы проживают за ее пределами.

Нельзя не учитывать и то, что недовольство монголов может перекинуться и в другие национальные регионы, в частности, в сопредельный СУАР, а также в Тибет. В данном случае наряду с межнациональным конфликтом возник бы и межрелигиозный, что уже было бы чревато осложнениями на внешнеполитической арене. Обострение ситуации в Синьцзяне негативно отразилось бы на взаимоотношениях с мусульманским миром, с которым у КНР очень тесные отношения, а обострение ситуации в Тибете - на взаимоотношениях со странами, где сильны позиции буддизма, с Индией, а также со странами Запада.

Ухудшение китайско-монгольских отношений могло бы иметь нежелательные последствия и в китайско-российских отношениях. Как известно, часть монголосферы находится и в Российской Федерации - она представлена Агинским Бурятским округом в составе Забайкальского края, Усть-Ордынским Бурятским округом в Иркутской области, Республикой Бурятия и Республикой Калмыкия.

Тесные связи у монголов имеются и с Тывой, основное население которой тувинцы, хоть и являются тюрками, но исповедуют буддизм. В случае обострения китайско-монгольских отношений, для Москвы было бы сложно и даже невозможно игнорировать мнение монголоязычных регионов страны, что, естественно, отразилось бы и на российско-китайских взаимоотношениях.

Тесные, ровные и дружественные отношения между Пекином и Улан-Батором создают хорошую основу как для поддержания межнацио-

нального равновесия внутри КНР, так и для развития и углубления связей с монголоязычными субъектами России, что позитивно сказывается на российско-китайских взаимоотношениях в целом.

Связи между КНР и монголоязычными регионами России развиваются достаточно динамично, и Поднебесная занимает заметное положение в экономике этих субъектов. Так, Китай является крупнейшим торговым партнером Бурятии. В 2014 г. на долю КНР пришлось 45,2% внешнеторгового оборота Бурятии, что составило \$604,1 млн [10, с. 497].

Добрососедские отношения с Китаем выгодны и самой Монголии. При помощи Китая Монголия может придать своей экономике качественно новый импульс развития, что также окажет непосредственное воздействие на геополитику страны, подстегивая активизацию Улан-Батора в регионах, где имеются монголы или близкие по этническим и конфессиональным признакам народы. Среди основных целей Монголии здесь - помощь в поддержании этнокультурной самобытности этнически и религиозно близких монголам народов, а также укрепление их связей с самой Монголией, как центром монгольского мира.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Процесс трансформации слабости Монголии в «жесткую слабость» в определенной степени является также производным от глобальных геополитических тенденций. В этом контексте китайско-монгольские отношения и политика, проводимая Пекином именно по отношению к Монголии, предстает своего рода лакмусовой бумажкой, показывающей истинные намерения Китая в разных регионах планеты, особенно в соседних с КНР геополитических пространствах.

Монголия, действительно, является наиболее точным тестом геополитических намерений КНР. Именно здесь целый ряд объективных и субъективных вызовов исторического, политического, экономического и психологического характера создает соблазн проведения по отношению к Монголии политики «жесткой силы».

На данном этапе Китай вполне осознанно отказался от политики какого-либо давления на Республику Монголия, применяя стратегию «мягкой силы» вместо давления или «жесткой силы». В Пекине прекрасно понимают, что если по отношению к Монголии будет применяться «жесткая сила», то это сразу переориентирует сбалансированный ныне внешнеполитический курс этой страны и ее драйв в сторону России или иных великих держав, создаст неблагоприятную среду для КНР на международной арене.

Силовая политика Пекина по отношению к Улан-Батору оказала бы сильнейшее воздействие и на страны Центральной Азии - регион, имеющий для Китая важное значение [11, с. 33-135]. Центральнoазиатские государства, увидев в та-

ком подходе угрозу своей безопасности, поменяли бы свой внешнеполитический вектор и - как защитная реакция - создали бы альянсы с геополитическими соперниками КНР. А такое развитие ситуации было бы серьезнейшим вызовом национальной безопасности КНР и пробило бы бреши, которые очень сложно заделать.

* * *

Китайско-монгольские отношения представляют собой весьма интересный симбиоз взаимоотношений «мягкой силы» и «жесткой слабости».

Эти стратегии - объективное следствие существующих внешне- и внутривнутриполитических реалий, исторических, политических, психологических и иных факторов. Они ясно демонстрируют на практике, что более слабое государство может поддерживать весьма действенный баланс с более сильным соседом, умело используя фактор «жесткой слабости». А более сильный сосед не всегда хочет или даже может прибегнуть к «жесткой силе», предпочитая руководствоваться постулатами «мягкой силы».

Для Монголии главные геополитические императивы - сохранение и развитие своей независимой государственности, развитие при этом добрососедских отношений с Китаем, Россией и другими странами, поддержание монгольской национальной идентичности среди монголов Китая и других стран, развитие связей с ними.

Улан-Батор эффективно проводит свою политику в вышеуказанных направлениях. Это само по себе - важное достижение, особенно, если учитывать, что независимая Монголия лишь после распада СССР стала самостоятельно решать во-

просы своей безопасности, в т.ч. взаимоотношений с Китаем.

Монгольский вектор - один из важных направлений китайской геополитики, затрагивающий целый ряд политических, экономических, исторических, психологических, этнокультурных аспектов во внешне- и внутривнутриполитической плоскостях. Главный императив в этой плоскости - развитие взаимовыгодных отношений с независимой Монголией, а также недопущение превращения Внутренней Монголии в нестабильный регион. В противном случае это было бы чревато созданием своего рода дуги нестабильности по периметру границ КНР от Монголии до Тибета, что могло бы стать одной из самых серьезных угроз стабильности и безопасности КНР.

Развивая отношения с Монголией, Пекин эффективно сдерживает существующий здесь геополитический соблазн проведения более напористой политики по отношению к этой стране. Эффективность внешней политики Китая в плане развития взаимовыгодного сотрудничества в ряде регионов и стран, особенно с государствами Центральной Азии, в определенной степени зависит и от того, какую политику проводит Пекин по отношению к Монголии. В какой-то степени такая позиция придает весьма действенный импульс развитию отношений с соседними странами, в частности с государствами Центральной Азии и России, будучи одним из реальных подтверждений целей и намерений КНР.

Китайско-монгольские отношения затрагивают и китайско-российские отношения, что обусловлено географическим положением Монголии и предопределяет перманентный геополитический дрейф Улан-Батора между Пекином и Москвой.

Список литературы / References

1. Подробно о данной доктрине см., в частности: Wagner Allen. Mongolia: Growth, Democracy, and Two Wary Neighbors. An Interview with Alan Wachman // The National Bureau of Asian Research - <http://www.nbr.org/research/activity.aspx?id=245> (accessed 03.05.2012)
2. U.S. and Mongolia Sign Joint Vision Statement // Embassy of the USA to Mongolia - http://mongolia.usembassy.gov/pr_041014.html (accessed 10.04.2014)
3. Кузьмин С. Договор 1913 г. между Монголией и Тибетом: новые данные // Восток/Oriens. 2011. № 4. (Kuzmin S. 2011. The Treaty of 1913 between Mongolia and Tibet. New Data // Vostok/Oriens. № 4) (In Russ.)
4. Snow Edgar. 1938. Red Star over China. New York. 1938.
5. Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М., 1975. (Maoist Imperialist Policy in Ethnic Regions of the PRC. 1975. M.) (In Russ.)
6. Atwood Christopher. 1999. Sino-Soviet Diplomacy and the Second Partition of Mongolia, 1945-1946 // Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolitan, edited by Kotkin Stephen and Bruce A. Elleman. New York.
7. Sneath David. 1994. The Impact of the Cultural Revolution in China on the Mongolians of Inner Mongolia // Modern Asian Studies. Vol. 28. № 2. May.
8. Minahan James. 2002. Encyclopedia of the Stateless Nations. Ethnic and National Groups Around the World. London. Vol. IV.
9. Inner Mongolia Autonomous Region Bureau of Statistics - <http://www.nmgtj.gov.cn/Html/gzdt/2011-5/23/1152309433324071.shtml> (accessed 17.05.2011)
10. Бурятия в цифрах - 2015. Статистический сборник. Улан-Удэ, 2015. (Buryatiya in Figures - 2015. Statistical Yearbook. 2015. Ulan Ude) (In Russ.)
11. Бабаян Д.К. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном Прикаспии в конце XX - начале XXI вв. М., ИВ РАН. 2013 (Babayany D.K. 2013. Chinese Policy in Central Asia, the Caucasus and Northern Caspian Region at the end of XX - beginning of the XXI century. M.) (In Russ.)